

*Жмот и
Жозефина*

***Константин
Шабалдин***

Константин Шабалдин

Жмот и Жозефина

«Издательские решения»

Шабалдин К.

Жмот и Жозефина / К. Шабалдин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906317-5

События разворачиваются после катастрофы неидентифицированного качества и происхождения. Остатки человечества спасаются в Оазисах — городах купольного типа. Флора и фауна мутировали, законы физики и химии нарушены, окружающая среда враждебна. За пределами Оазисов действуют разрозненные группировки инсургентов с неясной мотивацией и влачат существование редкие фермерские поселения. Главный герой вынужден отправиться в путешествие и по дороге невольно влюбляется в спутницу и случайно спасает мир. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-906317-5

© Шабалдин К.
© Издательские решения

Содержание

Первая экспедиция	6
1. Оазис, 13 июня, 2112 года, хата Жмота	6
2. Оазис, 13 июня, 2112 года, столовая «Тополёк»	7
3. Фермерское поселение Кирзачи, 14 июня, 2112 года	10
4. Поле, 14 июня, 2112 года	13
5. Оазис, 14 июня, 2112 года	17
6. Фермерское поселение Кирзачи, 15 июня, 2112 года	19
7. Поле, 15 июня, 2112 года	20
8. Оазис, 15 июня, 2112 года, зоопарк	23
9. Поле, 15 июня, 2112 года	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Жмот и Жозефина

Константин Шабалдин

Все события вымышлены, совпадения реальными именами случайны.

Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача.

*И. В. Мичурин,
«Итоги шестидесятилетних трудов
по выведению новых сортов плодовых растений»*

*...почему? Почему днем светло, а ночью темно? Почему жуки
хмельные бывают, а муравьи нет? Почему мертвяки женщинами
интересуются, а мужчины им не нужны?*

*А. и Б. Стругацкие,
«Улитка на склоне»*

Иллюстратор Электрон

© Константин Шабалдин, 2024

© Электрон, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-4490-6317-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первая экспедиция

1. Оазис, 13 июня, 2112 года, хата Жмота

Жмот целый месяц животом промаялся, из больнички не вылезал, а тут ещё зубы! Только успел он в конуру свою зайти, в домашнее переодеться, так скрутило, хоть мышью вой. Жмот и на голове стоял, и на стенку прыгал, и пальцем ковырял, пока Рубильник в гости не зашёл и, увидав такие мучения, не подсказал ему масло шалфея прикладывать. Сбегал Жмот в лавку, купил. Легче стало. Но пузырёк двадцать пять рублей новыми! К зубнику идти, только за осмотр целковый отдашь. А страховка всё, капец – медным тазиком накрылась, вся на пузо ушла. Точно говорят: «Чем в Оазисе болеть, лучше сразу помереть».

Хоть бы заказ путёвый случился, но у фермеров пшеница в этом году и так в ногу толщиной, катализаторы роста в цене упали, а что ещё из Оазиса в Поле таскать? Патроны фермерам бесплатно выдают, в обмен на жрачку. Грабли-тяпки, посуда и одежда у них спросом пользуются, но это совсем гроши. Ну, а из Поля заказы пускай дураки доставляют, Жмот закон уважал, а что там доценты мутят ему дела не было. Рубильник, рожа квадратная, спасибо ему, снова надоумил:

– Носить чего-нибудь доцентам даже не вздумай. А вот проводником с ними, почему бы не сходить? На это запрета пока нет, не догадались ещё запретить. В столовую, сказывают, вчера двое в белых халатах приходили. Наведайся.

2. Оазис, 13 июня, 2112 года, столовая «Тополёк»

В столовой народ смажку глыкает, пивом захлёбывает. А Жмоту нельзя, доктор запретил. Сказал выпьет – опять на больничку загремит. А ему это никак нельзя, ему зарабатывать надо. Две тысячи Жмот пока ещё только скопил, а надо ему семь как минимум. Зачем? А надо.

Ну, заказал он минералки да котлету. Котлеты у Иванидзе дорогие (два рубля восемьдесят копеек), но вкусные. И по фигу из чего он их стряпает, очень Жмоту эти котлеты нравятся. Понимал, что деньги транжирит, но не мог с собой ничего поделат, ел иванидзевские котлеты хотя бы пару раз в неделю.

Поел Жмот и по новой у него зубки заныли, не надо было минералкой холодной запивать. И тут как назло эти двое и нарисовались: халаты беленькие, шапочки крахмаленные, на мордах повязки марлевые, одно слово – доценты. А Жмоту и не до них, он уже света белого не видит. Ужас как больно. Выхватил Жмот пузырёк с шалфеем, трёт десну возле большого зуба, а доценты внимательно так на него смотрят, как будто Жмот биржевый глашатай и на площади текущий курс рубля выкрикивает. Кстати, вспомнил Жмот, что надо узнать сколь нынче киловатт за копейку дают, пока в больнице был, цены могли вполне поменяться.

– Вы совершенно напрасно так делаете, – говорит ему доцент, который покрупнее и с пегой бородкой из-под марли. – Пальцы в рот совать при нашей экологии вообще категорически противопоказано, а у вас там наверняка ещё и дупло изрядное, инфекцию занесёте и проснётесь полосатиком.

А тот, который щуплый молча из кармана коробочку металлическую вынул, из неё пинцетиком тампончик ватный подаёт. Взял Жмот, кивнул благодарственно, заложил в дупло и спрашивает культурно так, по-интеллигентному:

– И откуда вам про содержимое и состояние моей ротовой полости ведомо?

Щуплый смеётся:

– Так у тебя флюс в полморды!

– Дедукция, однако, – отвечает Жмот.

Вот так. Это он с виду лапот фермерский, а книжек, между прочим, уйму прочитал, мамаша у него библиотекарем при муниципалитете служила. И манеры знает, в долгу быть не любит, поэтому на свободные стулья у столика показывает:

– Присаживайтесь. Извольте пивка за мой счёт. Или смажки прикажете? Не стесняйтесь, угощаю.

А сам про себя высчитывает, во сколько ему такое угощение станет. Стерильный тампон в аптеке копеек сорок, получается, если пиво закажут, он ещё и в плюсе останется, ну а если смажки пожелают, чуток в минус уйдёт. Но не должны доценты с утра крепким закидываться, не тот народ.

Сели они, бородатый тоже вежливо так:

– Не извольте беспокоиться, мы совершенно не пьющие, если не помешаем, так просто посидим.

– Сидите на здоровье, тем более что я уже отчаливать собирался.

Сказал это Жмот, а сам сидит, молчит. И доценты сидят и молчат. Ну, посидели они так помолчали, у Жмота нервы крепкие, истерички с Поля редко возвращаются, а у него уже ходок двести. И ведь каждая собака в столовке понимает, что не просто так доценты за столиком с опытным полярником сидят, но виду никто не подаёт, все конспирацию соблюдают. А какая, в жопу, может быть конспирация, когда завод металлоконструкций закрыли, фабрику протеиновую закрыли, ремонтные мастерские – и те закрыли! Вот и получается, что основной заработок у народа в основном с Поля идёт.

Тут бородатый не выдержал.

– Вы, судя по загару, человек вполне бывалый, в Поле должно быть хорошо себя чувствуете.

Издалека заходит, эдак мы до вечера просидим, подумал Жмот и сказал:

– Харэ темнить, вам на меня наводку ещё вчера дали, это ясно. В Поле я вас отведу куда скажете и безопасность обеспечу. Но услуги мои дорого стоят и самое главное – я легальный полярник, неприятностей с законом не имел и не собираюсь их иметь. Поэтому про дела ваши знать не желаю. Моё дело по маршруту привёл-увёл. А если вы планируете в купол какую-то заразу из Поля тащить, меня это не касается. Есть у вас разрешение, нет его – моё дело сторона. Поэтому обратно через КПП без меня входить будете.

– Никакой контрабанды... – вскинулся бородатый.

– Не касается! – перебил его Жмот.

– Дело в том, что нам нужен проводник до Изгорвола, – тихо сказал шуплый.

Так вот почему они вчера проводника не нашли! Изгорвол – это же в Заполярье топать, через анархистов. А под пули лезть у Жмота никакого желания не возникало. Это не со спецназом в рейд сбежать, спецназ всегда впереди, проводника прикрывает. Нет, трусом Жмот не был. Но одно дело там, на зайца поохотиться, бил он этих зайцев и в берлогах, и шатунов. Некоторые с рогатиной на зайца ходили, но Жмот без затей подстреливал хищника, когда тот в длинном прыжке на жертву кидался. Или стаю мышей на флажки загнать. Шкуры мышинные всегда в цене, полушубки из них даже депутаты носят, не брезгают. А Изгорвол это и далеко, и долго, и опасно.

– Нет, ребята, без меня, – сказал Жмот и направился к выходу из столовой. Братва за столиками провожала его насмешливыми взглядами. Насрать. Пусть сами в Заполярье гуляют.

На улице доценты Жмота догнали, пристроились с двух сторон, забормотали:

– Мы очень хорошо заплатим.

– Мы тебе лицензию на отстрел кузнечиков сделаем.

– Мы тебе в нашем госпитале зубы вылечим!

Последнее предложение было настолько актуальным, что Жмот на секунду притормозил, но собрался с духом и ответил:

– Ребята, я в Изгорвол дороги не знаю. Да и никто не знает.

– У нас есть карта.

– А я по карте ходить не умею, компасом вообще пользоваться не знаю как, у меня образование три класса.

Соврал конечно, но зато доценты сразу отстали. А Жмот спокойно себе пошёл, благо и зубки ныть перестали. Шёл и про себя хихикал – какой к бесу компас в Поле? Ох, доценты, ох, умники...

Зашёл Жмот на рынок, мяса пчелиного купил (три двадцать кило). К родителям зашёл. Жмот всегда так считал, что родители это святое. На их пенсию не разгуляешься, надо помогать. Поэтому брикетик горохового сублимата папе (тридцать семь копеек), батончиков соевых маме (сорок две копейки двести граммов). А без мяса перебьются, всё равно зубов нет, жевать нечем. В аптеку зашёл. На блядки не пошёл, а домой заторопился. Тут его и приняли.

Налетел спецназ, не простые менты. Как будто Жмот «дикий», пробравшийся в Оазис теракт зафигачить, а не честный полярник. Браслеты жёстко за спиной застегнули, сунули в луноход и привезли на второй уровень, не в участок даже, сразу в управление. Завели в кабинет обшарпанный, на табуретку толкнули.

За столом сидит мужик в гражданском костюмчике, весь какой-то заспанный, то ли следок, то ли опер, не представился.

– Сознаться будем или пчелу за хвост крутить? – спрашивает.

– Ничего я не знаю, сознаться не в чем, без адвоката слова не скажу, – говорит Жмот, а сам жопу чешет. Два раза ему по жопе дубинкой вломили при задержании. – И вообще у меня

острая зубная боль, мне врач нужен, а то сейчас без сознания упаду и жалобу напишу в прокуратуру.

Напрасно он прокуратуру вспомнил, не любят они этого. Но мужик наоборот, как будто даже обрадовался.

– Зубы? – спрашивает. – Зубы это хорошо, сейчас прямо и вылечим.

И достаёт из стола здоровенные пассатижи. Щёлкает ими и скалится довольно. Жмот и правда чуть в обморок не грохнулся, аж испариной пробило, так перепугался. Но тут из-за шкафа выходит доцент бородатый и говорит:

– Не перегибайте, капитан. Он нам живой и здоровый нужен.

– Да что у вас есть-то на меня?! – заорал тогда Жмот. Он всегда орал, когда хотел успокоиться.

– А вот, – говорит, как выяснилось, капитан и из папочки бумажку достаёт. – Вот показания Руденко Романа Андреевича по кличке Рубильник. Контрабанда, спекуляция медикаментами, нарушение пропускного режима. Это лет пять тебе в карьере кайлом долбить.

– Требую очную ставку, – ответил Жмот, а самому очень интересно на дату в бумажке заглянуть. Неужели сегодня успели Рубильника обработать или заранее подготовились?

– Ну что ты ерепенишься? – по-доброму тогда бородач спрашивает. – Ты же понимаешь, что тебе вилы, не отмажешься. А если до Изгорвола нас доведешь, мы эту бумажку похерим.

– Да что вы ко мне прицепились? Других полярников что ли нет?

– Есть. Но в такой сложный поход нам обязательно нужен самый лучший. Нам очень важно дойти, мы просто не имеем права сгинуть в Поле. Да и жить, честно говоря, ещё хочется.

Психолог, твою мать. Конечно приятно Жмоту, что его самым лучшим признали. Но вот не учёл доцент одной мелочи – расчётлив Жмот невероятно, на дырявый мизер не ходит. И шансы вернуться из Заполярья бывалый полярник оценивал очень низко. Поэтому воззвал к здравому смыслу:

– Ну, вы поймите, Изгорвол это легенда, там никто не бывал, только слухи, что есть такое поселение в Заполярье.

– У нас другие данные, – строго так отвечает доцент. – И карта у нас действительно есть. И денег тебе заплатим, как обещали. И зубы вылечим. Соглашайся.

– Ладно, – сказал Жмот. – Пошли.

А сам думает, что не кидал никогда заказчиков, а вот сейчас придётся. Доведёт он доцентов до первого разлома и до свидания. Сами виноваты. Но не тут-то было.

– Молодец, – похвалил его капитан. – А пока ты на благо науки и во имя процветания Оазиса трудиться будешь, мы твоих папу с мамой в санаторий определим. Не дёргайся! Очень хороший санаторий, наш, ведомственный, на террасе. Усиленное питание, лечебные ванны. Свежий воздух. И наше пристальное внимание. Ну, ты понимаешь.

И понял Жмот, что попал по крупному.

3. Фермерское поселение Кирзачи, 14 июня, 2112 года

Младший сержант спецназа Финка пошевелила лениво пальцами босых ног, и зажмурилось от удовольствия. Она стояла на окраине села по колено в сырой траве и наслаждалась рассветом. Ворот форменной куртки был широко распахнут, ремень она у фермеров ни разу ещё не надевала, сапоги-говнодавы давно забросила в сарай. Финка, кажется, даже урчала от наслаждения, подставляя солнечным лучам бледное лицо. Под куполом Оазиса такого солнца не бывает.

– Жозефина Корхонен, – услышала Финка за спиной и обернулась.

Как обычно за ней прислали Манечку, костлявую девочку-подростка с третьим глазом в правом виске. Манечка, слегка повернув голову вбок, так чтобы все три глаза смотрели на Финку, поманила её узкой ладошкой. Манечка была человеком строгим и неразговорчивым. Хотя какой же она человек? Мутант, прости Господи.

– На планёрку? – спросила Финка.

Манечка кивнула и нетерпеливо потопталась кривыми ножками, демонстрируя неодобрение медлительностью младшего сержанта. Финка вздохнула и направилась к дому Председателя. Манечка засемила рядом.

– Маня, ну не зови ты меня «Жозефина Корхонен», – сказала Финка. – Я же сто раз тебя уже просила. Зови просто – Финка. Меня все так зовут. Я же это имя, Жозефина, терпеть не могу, это же я в бреду официально так представилась, мне же казалось, что меня в плен взяли, вот я и твердила имя и личный номер. Хотя зачем анархистам мой личный номер? Ума не приложу. А нас вот заставляют заучивать, восемьдесят семь пятьсот семьдесят девять, мой личный номер. По уставу я только его могу противнику сообщить, а вот зачем? Понятно если в Поле боец погиб, его потом по номеру на бирке опознать можно, а из плена ещё никто не возвращался. Если к анархистам попал – всё, амба, пиши-пропало.

Финка знала, что Манечка ничего ей не ответит, и по-прежнему будет звать её полным именем. Как и взрослые, которые не вступали с ней в отвлечённые разговоры и обращались исключительно «Жозефина Корхонен», а то и «младший сержант Жозефина Корхонен». В посёлке Финка существовала в условиях мягкого бойкота, но ей было наплевать. Зато тут было солнце, трава под ногами, ветер с близких сопков, пахнувший снегом и не было капитана Карпова с его потными лапами. И ещё каждый вечер был умопомрачительно вкусный пчелиный сыр.

Они вошли в избу, где на лавках, расставленных вдоль стен, уже сидели бригадиры. Председатель, Никита Михалыч Сергушин, засунув руки в карманы ватных штанов, прохаживался по центру. У него было по шесть пальцев на руках, и он этого стеснялся. Финка остановилась на пороге, а Манечка присела на краешек лавки рядом с бригадиром копателей Джоном, Который Видит В Темноте.

– А вот младший сержант Жозефина Корхонен, – продолжил Никита Михалыч прерванную речь, – пойдёт сегодня работать на пасеку.

– Не надо мне её, – сразу вскинулся Лёшка-пчеловод. – У меня прошлый раз после неё пчёлы доиться перестали. Боятся её пчёлы.

– Тогда Жозефина Корхонен пойдёт сегодня пшеницу трясти, – сказал Никита Михалыч.

– Она хорошо трясёт, девка сильная, – ответил бригадир хлеборобов Юрий Эрнестович. – Только стволы у пшеницы, где она прикоснётся, потом гнить начинают.

– Ну, ты ей верхонки дай.

– А есть смысл рисковать? Сами управимся.

– Катализаторы пусть раскладывает.

Бригадиры сдержанно посмеялись. Председатель вгорячах сказал глупость и сам это понимал. Укладка катализатора роста было делом тонким, требующим большого опыта, не каждый фермер с этим мог справиться. Никита Михалыч исподлобья взглянул на бригадира охотников по кличке Шопенгауэр.

– На зайца сегодня пойдём, – сдержанно произнёс Шопенгауэр. – Я бы взял на охоту младшего сержанта Жозефину Корхонен. Стреляет она хорошо, сами видели. Но если анархисты повстречаются, они в ней махом спецназовца опознают. И тогда всем нам кирдык.

– Значит, никому сегодня Жозефина Корхонен на работу не нужна? – спросил Председатель, и все знали, что это риторический вопрос. – Тогда как обычно Жозефина Корхонен от работы освобождается. Просим её к обеду не опаздывать, – Никита Михалыч вынул руки из карманов, развёл их в стороны, издевательски поклонился Финке.

Она слушала всё это молча, низко опустив голову, разглядывая скрипучие половицы под ногами Председателя. Она уже привыкла. Она была совершенно непригодна для сельской жизни, ей не могли доверить самой простой работы, даже нужники чистить, потому что нужники у фермеров чистили специальные бактерии, которые надо было уметь правильно заквашивать. Брюква на огороде от неё разбежалась, рыбки, после того как она однажды задала им корм, долго блевали, падали с насеста и перестали нести яйца, а змеиная шерсть скатанная Финкой истлела на следующий день.

Уже второй месяц Финка жила у фермеров нахлебником. Ей не то чтобы намекали, а почти в открытую говорили: «Шла бы ты девка в свой Оазис, не место тебе здесь!». Но Финка не уходила. Терпела пренебрежительное к себе отношение, но не уходила. Не могла себя заставить. Выше её сил было вернуться в тесную суету купола, снова встать в строй, жрать тухлятину в солдатской столовке, считать рубли до зарплаты и ждать, когда тебя погонят в Поле на убой. Или разгонять митинги безработных. Или отстреливать полярников, которые тащат доцентам образцы экзофлоры. К тому же за долгую отлучку Финке запросто могли пришить дезертирство, и доказывай потом, когда к стенке поставят, что была тяжело ранена в бою. А значит, некуда ей было уходить.

Манечка встала и за рукав потянула Финку на улицу.

– Ёжиков пойдём смотреть? – спросила Финка, когда они вышли. – Пойдём, я тоже люблю на них смотреть. Они прикольные, только непонятно как они кушают, у них же ротика нет.

Манечка подмигнула ей третьим глазом и первая стала пробираться сквозь пчелиное стадо, которое гнали на выпас люди Лёшки-пчеловода. Финка шла за ней и поглаживала на ходу мохнатые пчелиные бока. Пчёлы были тучные, чуть сонные после утренней дойки. Они пёрли, не разбирая дороги и надо было следить, чтобы острое копыто не пробило ненароком босую ногу.

Они вышли за околицу и как всегда уселись возле ёжинного родника. Пройдёт немного времени, солнце взойдёт повыше и из земли начнут вылупляться крошечные комочки псевдоплоти, на глазах обрастая мясистыми иглами, а может заострёнными щупальцами. Они будут увеличиваться до размера футбольного мяча и, растопырив ядовитые иголки, посеменят на когтистых лапках в сторону леса. За раз вылуплялось всегда ровно восемь ёжиков. Только один раз их было девять, и Манечка пришла в ужас. Она так испугалась, что Финке пришлось её успокаивать, гладить по голове, обнимать и шептать какие-то слова утешения. Странные всё-таки эти фермеры.

Пастухи подобрали умирающую Финку после боя с анархистами, лишь она выжила из целого взвода спецназа отправленного в рейд капитаном Карповым. Её притащили в посёлок и оказали первую помощь. Потом фермеры долго лечили её, выхаживали с риском для себя. Если бы анархисты узнали, что у них прячется боец из Оазиса, всему посёлку пришлось бы худо. Но Финку вылечили какими-то травами, откормили пчелиным мясом, отпоили рыбным

бульоном. Ещё она смутно помнила, как ей к простреленной груди прикладывали горячий святающийся шар, но возможно это было бредом.

А теперь фермеры всячески пытались выжить её из посёлка. Председатель говорил, дескать, радиация у нас, вредно тебе, заболеешь. А Финка знала, что врёт, нет в Поле никакой радиации. Эту легенду и в Оазисе поддерживают, но спеназовцы знают военную тайну – радиации давно нет, остались небольшие очаги, они на карте отмечены. Просто Никита Михалыч боялся анархистов. Поэтому Финка и старалась загореть сильнее, чтобы не отличаться от обветренных жителей Кирзачей.

Первые ёжики уже начали обрастать иглами. Манечка довольно шурилась своими разноцветными глазами, а Финка думала, что ведь не просто так девочка ходит каждый день к роднику. Не делали фермеры ничего просто так, они люди серьёзные, был в этом любовании ёжиками какой—то смысл. Но Финке было наплевать, потому что никогда в жизни ей не было так хорошо и спокойно на душе, как во время этих утренних посиделок с Манечкой у ёжинного родника. И тут грохнул взрыв.

Финка сразу навалилась на Манечку, закрывая её своим телом. Ёжики заверещали и на глазах у изумлённой Финки стали обратно ввинчиваться в землю. Загудело близкое пчелиное стадо, но всё заглушили автоматные очереди. Пробежал пастух, истошно вопя:

– Дикие! Дикие Ваську Скарлатину убили!

Дикие это было очень плохо. Анархисты воевали с Оазисом, иногда наезжали на фермеров, но от них можно было откупиться. Спецназ воевал с Полем, бунтовщиками и к фермерам не совался. Дикие воевали со всеми. Это были бандиты. Они грабили и убивали, крышевали и беспредельничали. Финка приподнялась на локтях и огляделась. Вдалеке, за пчелиным стадом ближе к лесу, как раз на ёжиковой тропе, маячили силуэты. Позиция у Финки была хорошая, родник в ямке, почти естественный окопчик, противник как на ладони. Но вот оружия у неё с собой не было.

– Лежи здесь, – сказала Финка и для убедительности вжала голову Манечки в землю.

– Ага, – сказала Манечка.

Финка ещё раз внимательно огляделась и рванула к домику, который фермеры выделили ей для одинокого проживания. В неё стрельнули пару раз, но не прицельно, просто для острастки. Возможно, дикие решили ограничиться кражей нескольких дойных пчёл, но могут передумать и завалить в посёлок.

Спокойно и очень быстро, как на учениях, Финка забежала в избу, накинула броник, подхватила автомат, сунула в карман запасной магазин. Пожалела, что нет ни одной гранаты. Выбежала во двор, притаилась за поленницей. Сообразила, что забыла обуться и усмехнулась. Она была в отличном настроении, в крови привычно бурлил адреналин, как всегда перед боем ей было страшновато и азартно. И самое главное появилась возможность показать фермерам свою полезность, отплатить и за спасение, и за лечение, и за пчелиный сыр.

Она услышала громкую матерную брань и осторожно выглянула из укрытия. Так и есть – трое диких шли в посёлок, размахивая стволами, высматривая двор побогаче. До них было метров двести, и Финка сняла бандитов как на стрельбище, тремя короткими очередями. И сразу в стороне пчелиного стада, там, откуда раньше доносились автоматные выстрелы, бахнул ружейный залп. Это, заслышав стрельбу, вернулся с охоты отряд Шопенгауэра. Сейчас фермеры добьют или хотя бы отгонят оставшихся в живых диких.

– Маня! – громко позвала Финка. – Манечка!

Девочка лежала в траве и не шевелилась. Финка перевернула Манечку на спину и увидела кровь. Она рванула ткань платья, рассмотрела рану и испуганно охнула. Шальная пуля вошла девчонке в грудь, справа, над печенью. Точно как совсем недавно Финке. Она закинула автомат за спину, взяла Манечку на руки и побежала к дому Председателя.

4. Поле, 14 июня, 2112 года

В старых книжках Жмот часто встречал выражение «бескрайнее поле». Так вот Поле не было бескрайним. Оно всё состояло из краёв, углов и клиньев. Полосы перепаханной фермерами земли упирались в островки кустарника, овраги разрезали рощицы чахлых берёзок, тут и там виднелись глубокие провалы или напротив – участки вздыбленной почвы. Всё это было ярко-жёлтое, оранжевое и бледно-зелёное. А голубое небо ближе к горизонту наполнялось охряным оттенком. Курлыча пролетел клин пятнистых коровок, оставляя радужный реверсионный след.

Но Жмоту было не до красот, он зевал, тёр глаза и потягивался на ходу. Пытался разогнать дрему энергичной ходьбой. Спать хотелось, несмотря на две кружки крепкого чая и контрастный душ. Потому что почти всю ночь он рыскал по Оазису в поисках Рубильника. На первом уровне всего семь столовых, пять пельменных, три блинных и одна пирожковая. Жмот побывал везде. Нигде Рубильника не видели, а обычно он до утра просиживал в забегаловках, потягивая пиво и приторговывая самодельными папиросами. А вот в эту ночь отчего-то на работу не вышел. Ничего, Жмот ещё вернётся. Он будет очень осторожен в этом походе, чтобы непременно вернуться и потолковать с Рубильником.

Жмот остановился и пощупал языком новые зубы. Их нарастили на старых корнях буквально за двадцать минут перед выходом в Поле. На лифте они дольше поднимались-опускались, чем зубы Жмоту лечили. Но интересно было на уровне у доцентов, очень интересно.

– А мы не слишком быстро передвигаемся? Разве так не опасно? – спросили за спиной.

Повернувшись, Жмот презрительно осмотрел свой отряд. Бородатый – Саша, щуплый – Паша. Ну и Таня. Ничего такая. Брюнетистая. Зря только в Поле штаны обтягивающие надела. Снарягу Жмот у них перед выходом, конечно, проверил, половину барахла выбросил. Кое-что добавил. Патронов там досыпал, батончиков соевых, по паре аптечек сунул (шестьдесят два рубля штука). А вот вооружились доценты вполне грамотно. У Саши была отличная снайперская винтовка, Таня взяла компактный и скорострельный автоматический дробовик, а Паша нёс на плече такой же как у Жмота древний, но очень надёжный «АК—74». Они ещё себе мачете на пояса прицепили, но Жмот приказал эту херню оставить.

– Когда будет опасно, я скажу, – ответил Жмот. – А что значит «быстро»? Вы уже притомились, отдохнуть желаете?

– Нет, не в этом дело, – решила объяснить Таня. – Просто не надо разве дорогу проверять? Там же аномалии могут быть, ловушки всякие...

Жмот не ржал так с тех пор, как пьяный Рубильник в сортире «Тополька» дверную ручку изнутри оторвал и выйти не мог, бедолага. И долго жалобно орал: «Помогите!». Отсмеявшись, полярник поинтересовался:

– Может ещё и гайки перед собой кидать? Вы что, книжек старинных начитались?

Доценты неловко молчали и до Жмота дошло:

– Вы в Поле ни разу не были?! – с ужасом спросил он.

– Понимаете, наша научная группа занимается исследованиями совершенно в другой области, – сказал Паша. – И даже обсуждать реалии полевой жизни в нашей среде не принято. Дурной тон. Поэтому, да, возможно у нас несколько беллетризованное представление о фактическом ландшафте вне купола.

– Бел—ле—три—ли—зованное, – задумчиво повторил Жмот. – Твою мать. Это надо же.

– Вы хотите сказать, что никаких аномалий не бывает? – сердито спросила Таня.

– Ещё как бывает. «Стыдобушка», например. Или «умничка».

– «Стыдобушка»? – с интересом спросил Саша. – А как это?

– А это так, что я чуть не застрелился, когда вспомнил, как в третьем классе у соседа из ящика газету с кроссвордами упёр. Вот такая «стыдобушка». Только никакими гайками её не обнаружишь. Накроет, так накроет. Поэтому ваше дело за мной топтать и не возникать.

– Хорошо, – сказал тогда Саша. – Раз такое дело, пошли дальше. Мы совсем не притомились и отдыхать пока не желаем.

– Зато я желаю, – злорадно сказал Жмот. – Вон у тех живописных кустиков сейчас привал сделаем. Перекусим, а потом я буду спать, а вы меня охранять.

– Мне казалось, – сказала Таня, – это вы нас охранять будете.

– А вот ни хрена! – взвился Жмот. – Я проводник и я вас веду. А для охраны могли спецназовцев десяток прихватить.

– Мы очень не заинтересованы, чтобы подробности экспедиции стали известны силовикам, – сказал Саша.

– Вот и берегите меня как последний рубль перед получкой. Потому что без меня вам сразу капец.

Очень довольный, что поставил доцентов на место, Жмот направился к облюбованным кустикам. Хорошее место, надо его запомнить. Разломов нет поблизости и ветерком обдувает, газ подземный не застаивается. Какой-то всё же остался неприятный осадок после разговора, что-то в башке у Жмота засело тонкой занозой, но пока не выпится, не станет он в этом разбираться, всё равно толку не будет.

Сбросив на землю тяжёлый рюкзак, Жмот разлёгся на сухой красной глине, ещё прохладной, не согревшейся под утренним солнцем. Доценты расположились неподалёку. Видно было, что они пребывают в недоумении, всё никак не могут сообразить шутил Жмот, когда требовал охранять его на привале или это у полярников юмор такой. И как, собственно, осуществлять эту самую охрану? Караулом стоять или ходить по периметру? А когда в отдалении защёлкали выстрелы, они совсем растерялись.

– Тихо, тихо, – сказал Жмот, вытягивая бинокль из-под клапана рюкзака.

– Что там? – тревожно спросила Таня.

– Там дикие на Кирзачи напали, – сказал Жмот, глядя в бинокль. – Пастуха подстрелили.

– Кирзачи?

– Посёлок фермерский, – пояснил Жмот. – Бывал я у них не раз, сыр очень вкусный делают.

– Слушайте, надо же что—то делать! – воскликнула Таня. – Мы же можем помочь.

– Да, – поддержал её Паша, снимая автомат с предохранителя. – Дикие вне закона, они подлежат уничтожению без суда и следствия.

Саша благоразумно промолчал и правильно сделал.

– Вам повоевать захотелось? – ехидно спросил Жмот. – А по вам из гранатомёта ни разу не стреляли? Дикие отличные вояки, они спецназ бывает пачками щёлкают, а ваша научная группа, как я понимаю, занимается исследованиями совершенно в другой области.

– Мы все прошли курс боевой подготовки, – возразила Таня.

– Ты, девочка, в человека стреляла когда-нибудь? – спросил Жмот.

– Но нельзя же просто взять и пройти мимо? – возмутилась Таня.

– Ещё как можно, – спокойно ответил Жмот. – А ну-ка дай.

Он снял у Саши с плеча снайперку (полторы тысячи рубликов такая на чёрном рынке), а ему сунул свой калаш. Через более мощную, чем у бинокля оптику, Жмот хорошо разглядел, как подоспевший отряд фермеров дружными ружейными залпами опрокинул диких и те драпанули к лесу. Обрадованные лёгкой победой фермеры бросились в погоню. Пчелиное стадо осталось без присмотра, мёртвый пастух лежал неподалёку. Такая удача могла только присниться. Жмот высмотрел пчелиную матку, прицелился и, задержав дыхание, мягко потянул

спусковой крючок. Винтовка толкнула в плечо, звук выстрела съел глушитель, пчела грузно завалилась, подламывая тонкие ножки.

Жмот бросил винтовку, выхватил у Саши свой автомат и, не разбирая дороги, бросился к стаду. На ходу обернулся и крикнул доцентам:

– Ждите здесь!

Он бежал изо всех сил, стараясь не только как можно скорее добраться до пчёл, но и как можно сильнее вспотеть. Жмот с разгона вклинился в самый центр стада и принялся носиться взад-вперёд, чтобы пчёлы, оставшиеся без матки, почуяли и запомнили его запах. Не дожидаясь когда из леса появятся первые охотники, отогнавшие диких, Жмот побежал обратно. Навстречу ему спешили доценты. Не послушались проводника, не стали отсиживаться. И даже рюкзак его прихватили.

– Назад! – крикнул Жмот и замахал на бегу руками.

Доценты остановились в нерешительности. Жмот обернулся. Не мене двух десятков пчёл грузным галопом спешили вслед за полярником. Очень довольный Жмот подхватил у Саши рюкзак и прямо таки пропел счастливым голосом:

– За мной, не отставать.

Трусцой он уводил пчёл подальше от Кирзачей, доценты топтались за спиной, а на душе у полярника было радостно и торжественно. От перспектив просто дух захватывало.

– Стойте, Жмот, – наконец не выдержал Саша. – Что происходит?

– Некогда стоять, – выдохнул Жмот.

– Вы не хотите объясниться?

Полярник тормознул, упёрся руками в колени, переводя дыхание. Доценты смотрели на него осуждающе. Не нравилось им происходящее, очень не нравилось.

– Мы правильно поняли, что вы только что увели стадо у честных фермеров? – борясь с одышкой, спросил Паша.

– Да какое там стадо? Половину только. Даже меньше. А вот если бы вы меня послушали и остались ждать, где я сказал, то может и всё бы стадо увёл.

– Слушайте, Жмот. Немедленно верните пчёл фермерам! – выкрикнула Таня.

– Никак это теперь невозможно, – сокрушённо пожал плечами Жмот. – Они после смерти матки первым мой запах почуяли, теперь будут ходить как привязанные.

– Но это же гадко, вы вор!

– Подожди, Татьяна, – Саша положил руку девушке на плечо. – Жмот, объясните, как ваша любовь к дойным насекомым соотносится с целью нашей экспедиции. Вы пчёл в Изгорвол с собой потащите?

– Ребята, – с любовью произнёс Жмот. – Мне ваша экспедиция теперь до одного места. Пчела восемьсот рублей стоит, дойная – тыщу двести. Такой шанс раз в жизни бывает, не мог я его упустить, никак не мог.

Доценты от возмущения попытались за стволы схватиться, но Жмот просто глянул на них, и сразу прыги у научных работников поубавилось. Поняли, что за такой куш Жмот зубами рвать будет. А зубы они ему сами вставили.

– Вы забыли об одном условии, которое вам поставило одно должностное лицо в одном неприятном учреждении, – осторожно сказал тогда Саша.

Жмот сразу и припух. А ведь точно, забыл он про папу с мамой, которые сейчас в санатории. Они там кисель кушают, лечебной физкультурой занимаются, а сыночек пчёл ворует. Ах, нехорошо-то как, вот что азарт с людьми делает. Конечно денег будет достаточно чтобы того капитана с потрохами купить, но тогда доцентов надо в долю брать, а они не возьмут, как пить дать не возьмут.

– Ладно, – примирительно сказал Жмот. – Обещание своё я выполню, раз слово дал – сдержу. Будет вам Изгорвол. Но вот только сейчас фермеры очухаются и по следу стада пойдут.

А когда они нас догонят, то на ремни всех порежут, разбираться не станут. Поэтому хотите не хотите, а прежде всего надо нам пчёлку спрятать. Так что потопали.

Послушались доценты, некуда им было деваться при таком раскладе. Вот только напоследок Жмот поймал на себе Пашин взгляд. Оценивающий такой. С таким взглядом на рынке к рыбе прицениваются. И тут вдруг Жмот резко понял, что ему не понравилось в недавнем разговоре с доцентами. Они очень не хотели, чтобы силовикам стали известны подробности похода. Но при этом их совершенно не беспокоила мысль, что эти подробности станут известны ему, Жмоту. Возникал вопрос – на каком этапе загадочной экспедиции от него собираются избавиться, чтобы гарантированно избежать утечки информации?

5. Оазис, 14 июня, 2112 года

Капитан Карпов за все годы беспорочной службы ещё ни разу не бывал на верхнем, девятом уровне Оазиса. До сих пор потолок его личной экспансии ограничивался пятым этажом, на котором располагался генштаб Вооружённых Сил локального поселения. Там гужевался весь генералитет и Карпов, очень даже обоснованно полагал, что со временем и ему предоставят апартаменты на этом уровне.

Сначала он, в сопровождении угрюмого майора внутренней охраны Оазиса долго поднимался в лифте, потом у него проверяли допуск и, наконец, двое в штатском завели его в скромный кабинет, где за столом, стоящим возле обзорного экрана, спиной к входу сидел человек в камуфляжной форме. Человек за столом обернулся и Карпов узнал Президента.

– Карпов? – спросил Президент и, выскочив из-за стола, подбежал к капитану.

Карпов отметил про себя, что глава Оазиса и гарант безопасности спасённого человечества, несмотря на изрядную тучность, очень шустро передвигается.

– Так точно, капитан Карпов прибыл согласно полученному распоряжению, – выпучив глаза, отрапортовал капитан, а Президент, молниеносно вытянув руку, крепко ухватил его пальцами за кончик носа.

– Ты что же, паскуда, наделал?! – визгливо закричал Президент и потянул, выкручивая.

– Виноват, – прогундосил Карпов, совершенно сбитый с толку. Ему было сильно больно, из глаз брызнули слёзы, а во рту появился привкус крови.

– Дурак не может быть виноват, его таким мама родила, – сварливо произнёс гарант безопасности и отпустил капитанский нос.

Карпов достал цветастый платочек и утёрся, а Президент, заметно успокоившись, брезгливо провёл толстыми пальцами по своим камуфляжным штанам.

– Большую ошибку ты допустил, капитан, – сказал Президент.

Карпов хлюпал носом, а Президент, вперив сумрачный взор в обзорный экран, где пестрел рваный пейзаж Поля, пафосно продолжил:

– Видишь ли ты эти наполненные агрессией холмы? Эти злобные рощи, с толпами опаснейших мутантов и стадами смертоносного зверья? Эти радиоактивные облака, эти луга, напичканные аномалиями, эти уродливые разломы и бездонные провалы?

– Так точно, ваше превосходительство, отлично вижу, – согласился Карпов.

– Ядовитый туман и смрадный ветер, – не обращая на него внимания, самозабвенно вещал президент. – Плотоядная флора и болота, пылающие холодной плазмой.

– Так точно, – ещё раз подтвердил капитан, хотя в своих сорока девяти полевых рейдах, он никогда не встречал плотоядной флоры, не попадал в ядовитый туман, а найти аномалию, это надо было очень постараться. Что касается смрадного ветра, то воздух в Поле был гораздо приятней затхлой атмосферы купола. Но говорить об этом стоило. Не принято было об этом говорить, особенно в спецназе.

– Ну, а мы, стало быть, всему этому противостоим, – уже другим тоном сказал Президент. Как будто закончил с обязательной скучной преамбулой и теперь наконец-то мог приступить к сути беседы.

Он взгромоздил толстый зад на свой письменный стол и теперь сидел, покачивая короткими ножками.

– Ты зачем учёным помог проводника найти? – совсем уже душевно спросил Президент.

– Наш первостепенный долг, – слегка заикаясь, начал цитировать капитан, – всячески способствовать научной деятельности направленной на искоренение...

– Ты мне здесь устав спецназа не вспоминай, не надо, я сам его сочинял.

– Так точно.

– Что ты заладил? Ты же человек опытный, мог сообразить, что не просто так эту экспедицию притормаживают. Отстегнули тебе небось?

– Как можно, ваше превосходительство?! – возмутился Карпов.

– А если не отстегнули, то ты дважды дурак. Мне операцию сорвал и сам на бобах остался. Я же тебя со службы выгоню, чем жить будешь? А то и вовсе на карьер закатаю.

– За что, ваше превосходительство?!

– Да это придумать не долго. За восторженное созерцание полевых пейзажей или за усомнение в перспективах спасённого человечества, к примеру. Хочешь на карьер?

– Никак нет.

– А если не хочешь, то вот сделай мне так, чтобы группа, выходу которой ты так поспособствовал, до конечной цели своей экспедиции не добралась.

– Немедленно будет исполнено! Сейчас же подниму в ружьё лучший взвод и верну беглецов под арестом.

– Э нет. Так не пойдёт. Никаких взводов, сам заварил, сам и расхлёбывай. Дело это секретное, чтоб ни одна живая душа! Один пойдёшь. Без проводника. И под арестом их мне не надо, а надо, чтобы научная группа героически пропала без вести. Понял?

Капитан Карпов позволил себе на секунду задуматься. В Поле конечно не так страшно, как расписывают в телевизионных агитках, но лезть туда одному, без опытного полярника, по неизвестному маршруту – это весьма, весьма опасно. Может выбрать карьер?

– Так точно, всё понял, господин Президент. Догнать, ликвидировать, операцию держать в строгой секретности, – тихо сказал Карпов.

– Молодец, – похвалил Президент. – У моего референта возьмёшь маршрут, по которому их искать. Если подохнешь, я тебя дезертиром объявлю, если всё как надо сделаешь – быть тебе майором. Если проболтаешься кому – язык тебе отрежут вот этими тупыми ножницами.

Президент взял со стола большие канцелярские ножницы и пощёлкал ими. Карпов заледенел.

– Разрешите выполнять? – спросил он.

– Иди, выполняй, – разрешил гарант безопасности.

Карпов чётко развернулся и вышел из кабинета. В приёмной на него внимательно взглянул референт и сочувственно спросил:

– Водички не желаете?

– Что? Нет-нет. У вас для меня должен быть...

– Да-да, – референт протянул капитану запечатанный конверт с жирным грифом «Совершенно секретно».

Капитан Карпов никогда не был хорошим человеком, но и дураком тоже не был, тут Президент ошибся. Он понимал, что влип в дело, которое может стоить ему головы при любом раскладе. Возможно, именно успешное выполнение поручения Президента сильно уменьшало срок жизни капитана. Эх, мало, мало он у доцентов денег взял, всего пятьсот рублей! Ничего, они ему за всё заплатят, просто надо это хорошенько обдумать.

6. Фермерское поселение Кирзачи, 15 июня, 2112 года

Ночью Манечку сильно лихорадило, она металась в бреду и бабка Морозиха не отходила от девочки ни на миг, всё шептала заговоры. Про неё брехали, будто может взглядом гипнотизировать, но Финка в байки не верила. Она тоже всю ночь просидела у Морозихи в избе, как не пытались её прогнать. Кипятила воду, выносила пропитанные кровью бинты, а потом, глядя на тусклую икону, пыталась вспомнить хоть какую-нибудь молитву.

Ещё она увидела тот самый лиловый мерцающий неярким светом шар, которым саму Финку не так давно лечили фермеры. Морозиха приложила шар к груди Манечки, стала его тихонько катать и, к изумлению Финки, между рёбер у девочки вышла пуля и остановилась кровь.

А утром, закуривая самокрутку, бабка сказала:

– Жаль девку, помрёт.

– Как так помрёт? – глупо спросила Финка. – Я же выжила.

Морозиха закашлялась табачным дёгтем, зло глянула на Финку и ответила сквозь зубы:

– Сравнила. Или ты, кобыла здоровая, или она, которая с рождения на ладан дышит.

– Но что-то же можно сделать?

– Можно. Только лекарства нужны. Антибиотики, витамины, глюкоза.

– Я принесу, – сказала Финка.

– Неси, – согласилась Морозиха. – Если до заката обернёшься, может и выживет. Я её пока отваром с мухоморов напою.

И Финка сразу пошла собираться. Она нашла в сарае уже заросшие паутиной сапоги, привычно набила патронами магазин автомата. В рюкзак сунула бутылку с колодезной водой и моток полимерного троса. Еды решила не брать, до вечера надо вернуться. Ей страшно было даже представить, что будет, если она не вернётся к вечеру.

Она уже скорым шагом подходила к околице, когда её окликнул Председатель.

– Жозефина Корхонен, – позвал Никита Михалыч.

Финка остановилась.

– Вот, – торопливо сказал Председатель и протянул в шестипалой руке флакончик с прозрачной жидкостью. – Как подальше от Кирзачей отойдёшь ты на себя побрызгай.

– Зачем? – спросила Финка.

– Всё зверьё полевое стороной тебя обойдёт. Но на обратную дорогу не подействует, быстро зелье портится, обратной дорогой ты уж сама, как умеешь.

– Спасибо, – сказала Финка и сунула флакончик в карман.

– Поспешай, сержант, – сказал Никита Михалыч и Финка побежала.

И уже прилично отбежав от посёлка, Финка сообразила, что Председатель впервые назвал её просто «сержант». Пока ещё не «Финка», но уже и не «Жозефина Корхонен». Финка вылила на себя пахнущее химией содержимое флакона и побежала ещё быстрее.

7. Поле, 15 июня, 2112 года

Несмотря на внешнюю деловитость, по сути своей Жмот был домоседом и в Поле ходить ему не нравилось. Пропади оно пропадом. Когда б ни нужда в заветных семи тысячах, он бы с удовольствием осел и занялся торгашеством или заделался ростовщиком. Милое дело – открыть комиссионку. С прежних жирных времён у многих в Оазисе болтались по сундукам весьма ценные безделушки, о назначении которых люди даже не догадывались. У самого Жмота в семье долгое время хранилась невзрачная коробка, ей папа чертежи свои маркшейдерские прижимал. А потом зашёл его приятель с работы, инженер, и выяснилось, что это какой—то «роутер» и выкупил его аж за полсотни рублей.

«А ведь нагрел инженер папашу, как пить дать нагрел» – подумал Жмот и, потягиваясь, вышел из пещерки. С пчёлами он вчера намаялся до ломоты в поясице. Сначала надо было загнать стадо на твёрдый грунт, потом каждое пчелиное копытце обернуть куском разорванного спального мешка и обвязать шнурком. А это сто двадцать копыт! Доценты помогать брезгливо отказались, а ведь Жмот собирался им по-честному отстегнуть за, так сказать, соучастие. Но теперь перебьются. Вон они, чаёк пить изволят. Так что намаялся вчера Жмот, давно так не уставал.

Но зато после пчёлки топали по запёкшейся на полуденном солнце глине не оставляя ни малейших следов. Так в древние времена поступали угонщики скота в дальних странах, а за ними гонялись лихие парни, которых называли «ковбои». Были там ещё «рейнджеры», ребята типа спецназа, как понял Жмот из старинной библиотечной книжки. В ней он всё это и вычитал: про грунт потвёрже да про обёртку на копыта. Какой-то О. Генри книжку написал, спасибо ему, полезный писатель.

Жмот лениво подошёл к костерку, плеснул себе в кружку чаю из котелка.

– Скажите, Жмот, а почему вы «Жмот»? – спросила Таня. – Такие клички обычно за глаза дают, а вы как будто даже гордитесь.

– Горжусь? Нет, вот ещё – усмехнулся Жмот. – И не такой уж я прижимистый, кстати говоря. Но человек сразу понимать должен, что цену себе знаю и обмануть себя не дам.

Жмот со шкворчанием отхлебнул пахнувший дымком чай и захрустел ванильным сухариком. С новыми зубами это было просто наслаждение.

– Не прижимистый говоришь, а с нами вон как торговался, – засмеялся Саша. – С пятисот рублей до двух тысяч гонорар поднял.

– Я и говорю – цену себе знаю.

Жмот выплеснул в костерок остатки чая. Рассиживать было некогда. Предстояло пчёлку из пещеры выгнать, подоить, копыта им размотать и выдвигаться скорым темпом. Но только Жмот поднялся, как Паша жёстко сказал:

– Жмот, потрудитесь объявить наши дальнейшие действия.

– Ну, с пчёлами, ясное дело, в Изгорвол не попрёмся, – сказал Жмот. – Это же понятно. Вернёмся скоренько в Оазис, я через грузовые шлюзы со стадом войду, знаю я там одно место. Вы наружи обождёте. Продам. Вернусь. И пойдём.

– По вашей вине происходит задержка, – непримиримым тоном сказал Паша. – По вашей вине мы оказываемся втянуты в уголовное преступление. Это не может не сказаться на сумме вашего гонорара. Он уменьшается до одной тысячи рублей. Это справедливо.

Жмот скрипнул новыми зубами и, ничего не ответив, ушёл к пчёлам. Кипя злобой, он выдаивал жирное пчелиное молоко прямо на красную глину и с ненавистью отмахивался от летучих пиявок, тучей слетевшихся на сладкое. Нет, денег ему было не жалко. Но как тонко уел его Пашка, как удачно выбрал момент. И ехидная Танина усмешка не осталась незаме-

ченной Жмотом, и как Саша глубокомысленно кивнул, соглашаясь с Пашкиным вердиктом. И ведь прав он был, нечего тут возразить.

Ветер подул в его сторону и до Жмота донеслись обрывки разговора:

Саша: «Зачем ты так? Ведь нам с ним...».

Паша (очень раздражённо): «Ненавижу всех этих алчных собирателей скарба... целую планету просрала и ничему...».

Саша: «Ты слишком строг, он не виноват, что...».

Паша: «... и тогда не будет времени разбираться!».

Таня: «... не самое удачное время?».

О как! «Собирателей скарба». Обязательно надо запомнить. Жмот представил, как он заваливает в «Тополёк» и с порога кричит: «Привет алчным собирателям скарба!». Это будет очень надёжный способ самоубийства.

Закончив возиться с пчёлами, Жмот быстренько покидал в рюкзак барахло, подхватил автомат и сердито спросил у доцентов:

– Готовы?

Хотя можно было и не спрашивать, они давно были готовы, сидели на рюкзаках с оружием в руках.

«На рюкзаках, стволы в руках, доценты – ну их нах», – подумал Жмот и сказал:

– Тогда выдвигаемся. Курс – вон на ту натиформу.

– На что? – не понял Паша.

– На те вон два холма похожих на сиськи, – насмешливо пояснил Жмот и показал рукой. –

Вы вперёд, я за вами.

Настроение у него сразу стало просто лучезарнейшим, всё-таки словарный запас великое дело.

От холмов Жмот начал круто забираться влево, чтобы не упереться со стадом в Большой Разлом. Место это было нехорошее, не любили его полярники. Там и на зверьё можно было нарваться, и вообще часто вещи непонятные происходили. Всё было хорошо, доценты пылили впереди, стадо резво ковыляло за Жмотом, но тут он услышал тоненький скулёж. Как будто детёныша домашней коровки покормить забыли, такой же обиженно-обречённый. Повертев головой, Жмот определил направление. Звук доносился прямо со стороны Разлома.

Жмот тихонько свистнул, подавая сигнал доцентам. Те остановились и сразу заняли оборонительную позицию, выставив стволы в три стороны. Молодцы вообще-то.

– Что? – одними губами спросил Саша.

Жмот махнул рукой, дескать, нормально, ждите и осторожно пошёл к Разлому. По мере приближения скулёж усиливался, и теперь полярнику было совершенно очевидно, что доносится он прямо из Разлома. Жмот с тревогой обернулся на стадо. Нормально. Пчёлки благо-разумно не попёрлись за ним, щипали травку в отдалении. Чуют они плохие места.

Медленно, прислушиваясь к внутренним ощущениям, чтобы помилуй Поле, не случился любой внезапный перепад состояния организма, Жмот приблизился к самому краю. Тут он увидел привязанный к толстой берёзе полимерный трос, и ему всё стало понятно. Трос тянулся над Разломом и терялся в туманной дымке. Это значит, какой-то дурак решил так дорогу срезать, не в обход, а по тросу над Разломом перебраться. Не полярник однозначно. Жмот склонился над обрывом и увидел редкую картину – плачущего спецназовца. А то, что спецназовец был женского пола и с нашивками сержанта, придавала картине особую пикантность. Финка ревела в голос, свернувшись калачиком на крошечном выступе. Внизу была пропасть, вверху три метра обрыва и ухмыляющаяся физиономия Жмота.

– Привет, – сказал Жмот.

– Привет, – ответила Финка.

– Карабин разогнулся?

– Да.

– А ты не знала, что у провала металлы размягчаются?

– Нет, – ответила Финка и снова заревела.

Жмот покачал головой и полез в рюкзак за верёвкой. Угрызенья совести, тревожившие его после кражи пчёл, утихли на фоне предприятия бескорыстного и благородного – спасение человека, как ни крути, дело святое. Даже если человек этот говно спецназовское, выкормыш президентский, прости Поле и помилуй.

8. Оазис, 15 июня, 2112 года, зоопарк

В минуты душевного смятения Президент Оазиса любил посещать зоопарк. Это его успокаивало и укрепляло в нерушимости избранных идеалов и точности взятых ориентиров. Зоопарк был его детищем, созданным по его инициативе и частично на его деньги. В зоопарке были представлены образцы фауны, которая существовала до Большой Лажы. Чудом уцелевшие особи животных отлавливались по всему континенту, с большим риском транспортировались специальными экспедициями полярников. Подлинные волки, лоси, медведи, настоящие ёжики, даже один жираф.

– Народ хочет видеть, к чему надо всем нам стремиться, – говорил Президент. – Мы наглядно должны демонстрировать простым людям великолепие истинной природы. А природа, извращенная Большой Лажей, не может служить настоящим людям. Она для мутантов. И будет уничтожена. Вместе с мутантами. Дайте только срок.

Сейчас Президент, переодевшись в гражданское и без охраны, прогуливался вдоль длинного ряда просторных клеток и с наслаждением вдыхал запах навоза. Этот запах казался ему тоже истинным, натуральным и фундаментально-почвенным. От медитативного созерцания зверюшек его отвлек громкий детский плач. Президент обернулся.

– Боюсь, мама, давай уйдём! – ревел упитанный карапуз лет шести.

– Смотри, коровка, – уговаривала молодая мамаша орущего малыша.

– Нееет, – надрылся ребёнок. – Коровки маленькие, с крылышками, это бабайка, я боюсь...

«Корова подлинная, долажовая» гласила табличка на клетке.

Президент вздохнул и направился к лифтам.

9. Поле, 15 июня, 2112 года

Пока Финка лежала над обрывом она ничего не хотела, только побыстрее умереть. С одной стороны гладкая отвесная стена с другой – бездонная пропасть. Выбраться наверх у неё не было никаких шансов, жрать тоже было нечего. Манечка умирала в Кирзачах, и никто не знал, что Финка пошла к Оазису через Разлом. Автомат быстро пришёл в негодность, а то бы она может и вправду застрелилась от отчаяния. А прыгать в жуткую, кипящую багровым туманом пропасть было очень страшно. Оставалось только тихо скулить.

Но потом словно ангел с небес появился этот скалящийся полярник и бросил ей конец тонкой, но очень крепкой верёвки. Финка, разрезая ладони, тут же принялась карабкаться, и Жмот заорал на неё матом, скинул верхонки и пластмассовый жумар. Когда Финка, наконец, выбралась наверх, Жмот спросил:

– А ты как трос на тот край закинула?

– Буропатроном.

– Ишь ты, – восхитился Жмот. Ему нравились сообразительные люди.

– А потом карабин оборвался, и я на эту полку свалилась, – сказала Финка, бинтуя порезанные пальцы.

– У Разлома и тем более над ним металлы приобретают суперпластичность, это даже дети знают, – сказал Жмот. – Чему вас в спецназе учат? Смотри.

Он снял с плеча автомат и легонько покачал его в руке. Ствол автомата мотался как резиновый.

– Если бы ты чуть дальше по тросу продвинулась, то прямо вниз бы ухнула. Понимаешь, бестолочь? – ласково спросил Жмот.

– Я не бестолочь, я Финка, – сказала Жозефина Корхонен.

– А я Жмот, – сказал Жмот.

– Спасибо, Жмот.

– Сочтёмся.

Финка серьёзно кивнула, и они пошли прочь от Разлома. Доценты секли за периметром, пчёлы щипали травку, всё было хорошо. Жмота посетило благодушное настроение, и он начал насвистывать «Yesterday».

– Мне очень-очень надо было спешить, – тараторила Финка. – Иначе я бы через Разлом не пошла, конечно, опасно это, все знают, что к Разлому лучше не соваться. Но там, в Кирзачах, умирает маленькая девочка. Манечка её зовут, Маша. Её из-за меня подстрелили. Били по мне, а ей шальная пуля досталась, понимаешь? Дикие напали, понимаешь, Жмот? Её фермеры лечат, но нужны лекарства, антибиотики нужны! Главное это антибиотики... А она горит вся и в сознание даже не приходит. Пулю достали, но организм у девочки слабенький, мутированный. Если она умрёт, я не знаю, что... Она такая... Она мне как сестрёнка!

Финка разрыдалась и остановилась, закрыв лицо перебинтованными ладонями. Ещё ни разу в жизни она так много не плакала, как сегодня. Жмот неловко приобнял Финку за плечи, пробурчал:

– Да ладно ты, может и не помрёт ещё, мутанты они живучие.

Финка глянула на него своими заплаканными голубыми глазами и спросила:

– У тебя же есть полевая аптечка?

По мере удаления от Разлома металлы начали приобретать прежнюю форму и твёрдость и ствол калаша больно упёрся Жмоту в копчик. Жмот, поправляя, сердито дёрнул ремень автомата и сердито сказал:

– Я тебя из провала вытащил, мало тебе? Ещё и аптечку тебе подавай? Это всё, между прочим, денег стоит.

Ему было совершенно наплевать на фермерскую девчонку. Тем более мутанта.

– Слушай, Жмот, – хрипловатым шёпотом произнесла Финка. – У меня денег нет. Но я ради Манечки на всё готова.

Грудь у неё, как и положено, вздымалась, ресницы трепетали, воротник был соблазнительно распахнут и грудь... хорошая у Финки грудь, чего уж там. И Жмот чтобы отвлечься включил в голове калькуляцию. Нанять спеназовца в дальний рейс было по деньгам сильно дороже одной аптечки. Поэтому он сказал:

– Слышь ты, на всё готовая – у меня, между прочим, невеста есть. А вот лишний ствол в походе не помешает. Так что поможешь мне доцентов до Изгорвола довести.

– Согласна, – не задумываясь, ответила Финка.

– Денег за ходку не получишь, жрачка и патроны за мой счёт.

– Согласна, – повторила Финка. – Но ты стадо фермерам вернёшь.

– Что?! – Жмот задохнулся от возмущения.

– А ты не пыхти, – сказала Финка. – Я этих пчёлок сразу признала, из Кирзачей они. Фермеры на диких грешили, а это ты оказывается под шумок угнал. Поживиться решил? Вернёшь пчёл, а за аптечку я с тобой ходкой рассчитаюсь. Это я добрая такая, потому что ты меня спас. А то могу просто фермерам тебя сдать. Тогда и пчёлы, и аптечки, и снаряга в Кирзачах останутся, а вы в Поле останетесь. Мёртвенькими.

– А не проще мне тебя сейчас пристрелить? – спросил Жмот.

– Не пристрелишь, – уверенно ответила Финка.

– Почему?

– А потому что тот, который бы мог пристрелить, не отказался бы меня за аптечку трахнуть. И прежде чем из провала вытаскивать поинтересовался, есть ли у меня деньги.

Жмот от досады даже новыми зубами скрипнул. На глазах репутация рушилась! Эдак, чего доброго, в Робин Гуды запишут. Был такой весёлый альтруист, читал он про него. В «Топольке» точно засмеют, если узнают, как его девка развела. Но вот сама Финка нравилась Жмоту всё больше. Минуту назад умоляла о помощи, а теперь сама условия диктует. Такая не пропадёт.

– Всех не отдам, – твёрдо сказал Жмот. – Половину отдам.

– Согласна, – в который раз повторила Финка.

— Тогда так, – Жмот повернулся к доцентам. – Саша, дай-ка на карту глянуть!

Саша, недовольно выставив бороду, подошёл к Жмоту с Финкой, вытягивая из нарукавного кармана ту самую карту, о которой доценты ещё в Оазисе все уши Жмоту прожужжали. Он её перед выходом изучил, хохотнул про себя и ничего доцентам говорить не стал, решил ничего, пусть думают, что так оно и есть. Жмот поманил пальцем Финку и, когда она к нему шагнула, тем же пальцем ткнул в карту.

– Виадук знаешь?

– Знаю. Там недалеко анархисты наш взвод постреляли.

– А как ты вообще у фермеров оказалась?

– Так они меня раненую и подобрала.

– Странно, – сказал Жмот. – И свои тебя бросили, и анархист не добился, а фермеры выходит пожалели.

– Выходит так, – сказала Финка.

– Боевая задача у взвода какая была? – спросил Жмот.

– Формально это был обычный рейд, – ответила Финка. – Типа анархистов погонять.

Но мы слишком далеко ушли на юг, обычно там рейды не проводятся. И направление у нас было – на Изгорвол.

Финка подумала, что только сейчас она выболтала служебную тайну случайным людям и в спецназе её за это уже точно к стенке поставят. И она поняла в этот момент, что никогда

не вернётся в спецназ. Ни за что. Раньше она просто не хотела возвращаться, но теперь это стало целью её глупой жизни. Остаться у фермеров, во что бы то ни стало. Жить в Кирзачах. Финка очень надеялась на благосклонность Никиты Михалыча после возвращения пчёл. И ещё ей показалось очень странным, что эти странные доценты со странным проводником двигаются в сторону загадочного Изгорвола. Про который у фермеров говорили, что «ходить туда – смерти искать».

– Ладно, – сказал Жмот, доставая из рюкзака полевую аптечку. – Будешь ждать вечером у Виадюка.

Карту он вернул Саше, но тут возник Паша, сильно озабоченный.

– Что-то мне это совсем не нравится, – раздражённо сказал Паша. – Сначала мы на сутки задерживаем движение экспедиции, уходим с намеченного маршрута. Теперь в состав группы включаем постороннего человека, совершенно не понятно, как здесь очутившегося. Судя по всему дезертира и саботажника. Как хотите, но я должен сообщить руководству о форс—мажорных обстоятельствах.

Он скинул рюкзак и достал из—под клапана портативную рацию, вытянул длинную антенну.

– Ух ты! – восхитился Жмот. – Дай позирить.

Средства связи после Большой Лажы стали редкостью. Электромагнитное поле Земли, так же как и гравитация, ускорение свободного падения, трение, да и вообще законы термодинамики вели себя зачастую произвольно. Лишь в редких накрытых куполами оазисах остатки человечества, подобно зверью в заповедниках, могли рассчитывать на стабильность природных явлений. А девяносто девять процентов территории планеты были во власти Поля: с мутантами, с чудовищным зверьём и непостижимой эволюцией, с новыми законами физики и химии, невероятными аномалиями, непонятными и малоисследованными артефактами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.